

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-69-87

УДК 94(47+57)

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ АТЕИСТИЧЕСКОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Лобанова Ирина Владимировна,

старший научный сотрудник,

Институт Российской истории Российской академии наук

г. Москва, Россия

e-mail: lobanova_irina@ro.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема выживания церковно-исторической науки России в послереволюционный период и в эпоху СССР. Показаны планомерные действия советской власти, направленные на полное уничтожение духовного образования и жесткое пресечение религиозной пропаганды, которые эффективно разрушили базу, необходимую для продолжения исследований в области церковной науки. Только своевременная отмена запрета для РПЦ открывать духовные школы позволила сохранить преемственность в церковно-исторической науке и создать условия для ее бурного роста в постсоветский период.

Ключевые слова: историография, история РПЦ, церковно-историческая наука, духовные школы в СССР

Для цитирования: Лобанова И.В. Проблемы развития церковно-исторической науки России в условиях атеистического советского государства. Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 15. № 3. с. 69-87

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-69-87

Original article

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT
OF CHURCH HISTORICAL SCIENCE OF RUSSIA
UNDER THE CONDITIONS OF THE ATHEISTIC SOVIET STATE**

Irina V. Lobanova,

Senior Researcher,

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

e-mail: lobanova_irina@ro.ru

Abstract. The article deals with the problem of the survival of the church history science in Russia in the post-revolutionary period and in the era of the USSR. The systematic actions of the Soviet authorities are shown, aimed at the complete destruction of spiritual education and the harsh suppression of religious propaganda, which effectively destroyed the base necessary to continue research in the field of church science. Only the timely lifting of the ban for the ROC to open theological schools made it possible to maintain continuity in church history and create conditions for its rapid growth in the post-Soviet period.

Research methods: The work is based on the principles of historicism and scientific objectivity. In the course of studying and summarizing the material, problem-chronological and comparative-historical research methods are also used.

Keywords: historiography, history of the Russian Orthodox Church, church history, theological schools in the USSR.

For citation: Lobanova I.V. Problems of the development of church historical science in russia under the conditions of the atheistic soviet state. Historical and socio-educational Idea. T. 15. no.3. . P. 69-87... (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-3-69-87

Методы исследования. В основу работы положены принципы историзма и научной объективности. В ходе изучения и обобщения материала применяются также проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Литература и источники. В статье для раскрытия темы привлекаются все самые важные исследования последних лет, касающиеся проблемы духовного

образования в советской России, а также посвященные судьбам ключевых персон в сфере церковной науки. Наиболее ценными с этой точки зрения являются публикации и статьи Л.К. Александровой-Чуковой, вводящие в научный оборот архив митрополита Григория в миру Николай Чуков» и исследования Л.А. Шилова, много лет возглавлявшего Публичную библиотеку в Петербурге. В статье Лобановой использованы также документы, касающиеся истории подготовки к изданию единственного церковно-научного журнала советского периода – «Богословских трудов», введенные в научный оборот Е.С. Полищук. Мемуары С.А. Волкова и Владимира Степанова (Русака), а также опубликованная Т.А. Богдановой и А.К. Клементьевым переписка профессоров духовных академий содержит важнейшие свидетельства о состоянии церковно-исторической науки в разные периоды советской истории.

Введение. Церковно-историческая наука в России после революции 1917 года лишилась государственной поддержки и получила статус идеологически вредного феномена. Исследования по церковной истории стали не нужны, источники для таких исследований – недоступны, да и публиковать их стало нелегко. Если до революции у Русской православной церкви (РПЦ) было четыре духовные академии, каждая из которых выпускала несколько солидных периодических изданий, где публиковались результаты научных исследований по церковной истории и богословским наукам, то после установления советской власти церковь лишилась и того, и другого. Уже 11 (24) декабря 1917 г. Комиссариат по народному просвещению постановил: «передать из духовного ведомства дела воспитания и образования ведению Комиссариата народного просвещения. Передаче подлежат все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии и все другие, носящие различные названия, низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства, со штатами, ассигновками, движимыми и недвижимыми имуществами, т.е. со зданиями, надворными постройками, с земельными участками под зданиями, и необходимыми для школ землями, с усадьбами (если таковые окажутся), с библиотеками и всякого рода пособиями, ценностями, капиталами и ценными бумагами и процентами с них и со всем тем, что предназначалось для вышеозначенных школ и учреждений» [5, с. 211-212]. А 23 января (5 февраля) 1918 г. был опубликован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», который провозглашал отделение церкви от государства и школы от церкви. Одновременно Народный комиссариат социального обеспечения издал приказ о лишении церкви и служителей культа денежных ассигнований.

Обсуждение. Поставив своей целью уничтожение религии, советская власть обрекла на гибель и церковную науку. Авторы декрета о свободе совести прекрасно понимали, что самый действенный способ борьбы с религиозной «пропагандой» – лишение церкви материальной базы для распространения знания о вере и церкви, поэтому первый удар был нанесен по духовному и религиозному образованию. Правда, представление о методах формирования нового, безрелигиозного, светского общественного сознания было у представителей новой власти разное. Нарком просвещения А.В. Луначарский считал, что «нет ничего пагубнее – создать гонение на церковь, с ней надо бороться орудием создания новой культуры, и она отомрет сама собой» [8, с. 241]. Но победила более практическая точка зрения, которую выразил известный историк-марксист М.Н. Покровский, считавший, что церкви можно разрешить содержать лишь краткосрочные пасторские курсы, а на остальное «не давать ни дома, ни книги, ни рубля» [8, с. 241]. Опубликованная в конце августа 1918 г. инструкция Наркомюста (НКЮ) «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» подтверждала: «Все кредиты на преподавание религии в школах должны быть немедленно закрыты и преподаватели религиозных вероучений должны быть лишены всякого рода довольствия. Здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий, а также церковно-приходских школ, как народное достояние, переходят в распоряжение местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов или Народного комиссариата просвещения...» [8, с. 240].

Поверить в такое положение вещей было трудно, и мириться с ним невозможно. Ведь речь шла не только о жизни и судьбах тысяч людей, связавших свою жизнь с фундаментальной наукой и без ученых занятий не мысливших своей жизни, но и о самой науке, которая без духовной школы обречена была на гибель и забвение. Профессор Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский в мае 1918 г. писал: «Положение академии – трагическое. Большевики с января ничего не платят <...>. Теперь уже прямо пишут в бывшую Академию и официально объявляют о скором закрытии, причем все мы увольняемся без пенсий и пособий» [9, с. 121-122]. Преподавательские корпорации и священноначалие РПЦ искали выход из этого тупика. Уже в феврале 1918 г. ректор Петроградской духовной академии вступил в переговоры с руководством Петроградского университета о слиянии двух учебных заведений. Соглашение об этом было достигнуто, причем на выгодных для академии условиях. Инициативу поддержал и Луначарский, который признал, что «целый ряд академических кафедр имеет бесспорно научное значение» [11, с. 108], но уже цитированная инструкция о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства поставила крест на этом проекте. Власть признали невозможным преподавание в университете каких бы то ни было богословских дисциплин.

плин, допускалось лишь создание в перспективе курсов по истории религии и научному атеизму.

19 марта (1 апреля) 1918 г. Совет Петроградской академии получил постановление Комиссариата народного просвещения о том, что «Петроградская Духовная Академия, как таковая, не является потребностью современного государственного строя и подлежит закрытию» [3, с. 270]. Московская духовная академия (МДА) держалась дольше Петроградской. С.А. Волков, поступивший в МДА в самый разгар революции, вспоминал, что регулярные занятия продолжались там, пока применение декрета уточнялось и разъяснялось: студенты писали сочинения и сдавали экзамены. Но по окончании 1917/18 учебного года многие разъехались по домам, и половина учащихся осенью уже не вернулась, потому что началась гражданская война, а с ней разруха, голод и проблемы с железнодорожным сообщением. С перебоями лекции читались и в 1919 году. «Последний 1918/19 учебный год был скоростаживно закончен на пятой неделе Великого поста. Экзаменов не было. Кое-кто из профессоров сделал нечто вроде зачета, который обернулся не индивидуальной проверкой знаний, а как бы общей беседой с курсом. Нас распустили, объявив, что мы условно переводимся на следующий курс, а вот будут ли экзамены – покажет осень 1919 года» [4, с. 173-174].

Часть профессоров МДА, перебравшись в Москву, продолжила читать лекции в учебных заведениях, назначенных заменить закрытые советской властью духовные школы. Академик А.И. Соболевский рассказывал в письме Н.Н. Глубоковскому об открытии новой Духовной академии в Москве 3 (16) октября 1919 г.: «Было молебствие, служил патриарх; потом товарищеский завтрак: чай по 100 р. с человека. Говорили речи неинтересного содержания. Помещение на Мясницкой. Две комнаты. Жалованье 1 200 р. в месяц; получает только ректор; профессора получают скромный гонорар только за действительно прочитанную лекцию» [3, с. 273]. Помимо этой академии в Москве в Даниловом монастыре некоторое время существовала богословская школа, организованная бывшим ректором МДА о. Феодором (Поздеевским). В Епархиальном доме в Лиховом переулке с лета 1918 г. действовала также Православная народная духовная академия, которую возглавляли бывший профессор МДА В.П. Виноградов и протоиерей о. Н. Боголюбский. В мае 1920 г. А.И. Соболевский рассказывал Н.Н. Глубоковскому об этом учебном заведении: «Помещение – нищенское. Слушателей около 10; есть духовные; возрасты всякие; в общем впечатление благоприятное. Таким образом, Московская Духовная Академия поместилась в комнатке в библиотеке бывшего Общества любителей духовного просвещения, ныне отделения Румянцевского музея. Командует В.П. Виноградов. Присутствует библиотекарь. Библиотека пополняется». «Пусть горит огонек;

пусть не гаснет он по нашей вине», – добавлял А.И. Соболевский, выражая в этих словах общую горечь и общую надежду на сохранение преемственности в деле церковной науки [3, с. 275].

В Сергиевом Посаде студенты под руководством профессоров частным образом продолжали заниматься на протяжении начала 20-х годов. «Я слышал, что студенты старших курсов как-то “на ходу” сдавали свои экзамены и писали сочинения, чтобы получить степень кандидата богословия, но все это было случайным и непрочным» [4, с. 199], – вспоминал С.А. Волков. Также полулегально продолжали действовать Казанская духовная академия (КазДА), которая просуществовала до весны 1921 г., и Киевская духовная академия (КДА), которая закрылась в 1920 г.

В Петрограде в 1920 г. И.П. Щербов, бывший преподаватель Петроградской духовной семинарии, основал сначала пастырское училище, а затем Богословский институт, куда принимались и женщины. Под обращением к властям с просьбой разрешить создание института подписались такие научные светила, как академики Б.А. Тураев и А.А. Шахматов. Для обеспечения финансирования Богословского института и его организационных нужд было создано «Общество православных приходов Петрограда и его губернии». Все расходы на училище и институт покрывались средствами, собираемыми в основном в храмах Петрограда, вошедших в Общество приходов. Расписание занятий в институте было составлено с учетом того, что студентами были работающие люди. Лекции читались в вечерние часы с 17:30 до 21:00, четыре раза в неделю. По средам проходили публичные лекции. В основу учебного плана института «была положена система образования бывших духовных академий: введены богословские, философские и церковно-исторические, а также ряд новых предметов. В то же время характер преподавания и, в частности, лекций отличался от прежнего: обращалось внимание на внутреннюю, психологическую сторону богословских наук, которая имела бы отношение к религиозно-нравственному опыту слушателей» [1, с. 268].

Первоначально профессора Богословского института получали 250 рублей за 40-минутную лекцию. «Для ориентации в этих цифрах, – замечал по этому поводу ректор института протоиерей Н.К. Чуков (будущий митрополит Ленинградский), – нелишне заметить, что в то время 1 килограмм хлеба расценивался около 750–1000 рублей» [1, с. 278]. Выживать в эти непростые для церковной науки времена профессорам Богословского института помогал «академический паек», который многие из них получали по линии светских научных учреждений, куда им удавалось устроиться. Некоторые из бывших профессоров Петроградской духовной академии нашли работу в Публичной библиотеке, с которой у духовной академии были давние научные связи. Начиная с 1919 г. на службу в

библиотеку поступили около десятка бывших профессоров. П.Н. Жуков – специалист по истории православной церкви в Западной России, член-корреспондент РАН – был принят «начинающим научным сотрудником». И.П. Соколов – профессор кафедры истории западных исповеданий – был зачислен в штат библиотекарем. Д.П. Миртов – профессор истории философии – был взят на должность каталогизатора. И.Г. Троицкий – профессор древнееврейского языка и библейской археологии – числился научным сотрудником и занимал должность заведующего восточным отделением. А.И. Садов – профессор латинского языка и словесности – также был научным сотрудником Публичной библиотеки. А.И. Бриллиантов – профессор истории древней церкви, член-корреспондент РАН – дослужился до главного библиотекаря и должности заведующего отделением. В.А. Беляев – профессор философии и логики – прошел в Публичной библиотеке путь от помощника библиотекаря до главного библиотекаря, заведующего отделением инкунабулов. Недолгое время в библиотеке работал помощником библиотекаря Б.В. Титлинов; он был уволен по причине идеологических разногласий, как обновленец, хотя и со стандартной формулировкой «по сокращению штатов». В.Н. Бенешевич – византист, палеограф, член-корреспондент РАН СССР – был главным библиотекарем и хранителем древнегреческих рукописей. Помимо профессоров в библиотеке в 20-е и 30-е годы работали и бывшие выпускники духовной академии: Н.В. Смирнов, служивший прежде в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода; Д.Н. Якшич, бывший настоятель церкви при дипломатической миссии России в Дрездене; С.М. Лукьянов, бывший обер-прокурором при П.А. Столыпине; магистр богословия М.И. Савваитский [11, с. 116-120].

Таким образом, Публичная библиотека сыграла роль спасительного прибежища для многих сотрудников Духовной академии, помогла им выжить и даже продолжить свои ученые занятия. «Их служба в Библиотеке давала им средства существования в тот период, когда найти другое место работы, особенно для людей, связанных с духовным ведомством, представлялось весьма проблематичным. Состоя в штате Библиотеки, они получали определенные гарантии от мобилизаций на трудовую повинность и общественные работы, от выселений и других мер, направленных против представителей старого режима. Выдаваемые им Библиотекой свидетельства о лояльности уберегали от многочисленных грозивших им неприятностей. Все это, конечно, не давало полных гарантий безопасности, но все-таки многим помогло...» [11, с. 120-121].

Одним из выпускников Богословского института, оставшихся в науке, был Н.Д. Успенский, который уже в 60-е годы опубликовал воспоминания о своем учителе А.А. Дмитриевском, выдающемся литургисте. По свидетельству Успенского, «источником существования Алексея Афанасьевича была та скромная по-

часовая плата, которую он получал за чтение лекций на Богословских курсах. Как действительный член Славянской комиссии Академии наук, он имел некоторые льготы в части оплаты своей комнаты. Кроме того, ему оплачивались доклады, которые он делал по поручению этой Комиссии и Русско-Византийской комиссии. Постоянного жалования он не имел. На эти средства он мог только “сводить концы с концами”, т. е. платить за квартиру, коммунальные услуги, проезд в трамвае, иметь два раза в день чай и обед, причем в один день только первое блюдо, а в другой – только второе» [12, с. 88-89]. При этом А.А. Дмитриевский был полностью поглощен исследованиями и требовал того же от своего ученика. Поскольку профессорское стипендиатство не обеспечивалось материально, Успенскому приходилось работать. Из-за этого период научной специализации растянулся для него вместо одного до трех лет. Все эти годы Успенский все свободное время проводил у научного руководителя. Если Алексей Афанасьевич работал дома, он сажал за соседний стол своего ученика и давал ему переводить что-нибудь из древних литургических текстов, а после обстоятельно расспрашивал о результатах. Дмитриевский требовал проверять все до единой цитаты в чужих монографиях по первоисточникам, даже если это были работы его собственных учеников. Когда Успенский недоумевал по этому поводу, Дмитриевский сердито отвечал, что и те его ученики тоже были бездельниками, поэтому веры им нет. Если Дмитриевский шел в Публичную библиотеку, он брал Успенского с собой. По просьбе профессора молодому человеку приносили рукописные Требники, Служебники и Типиконы. Тот изучал их, пока Дмитриевский работал над своей рукописью, а затем рассказывал профессору, что нашел в них интересного. Когда районный отдел социального обеспечения отказал А.А. Дмитриевскому в назначении пенсии и предложил взамен бесплатное проживание в доме престарелых, Дмитриевский решительно отказался, потому что это лишило бы его уединения и личной библиотеки, а значит, возможности заниматься наукой. «Он по этому поводу говорил, что ему легче переносить телесную нищету, с которой он с годами уже свыкся, чем духовный голод отсутствия возможности научной работы» [12, с. 88].

Благодаря подвижничеству и профессоров, и учеников, преемственность в науке удалось сохранить. Двадцать лет спустя Н.Д. Успенский стал профессором в возрожденной Ленинградской духовной академии. Тогда же, в 1923 году, Богословский институт был разгромлен и вынужден был закрыться, сделав единственный выпуск в количестве 23 человек. На фоне компании по изъятию церковных ценностей было закрыто Общество православных приходов, на средства которого институт содержался. Нечем стало оплачивать аренду и жалование преподавателям. Студенты стали бояться, что могут лишиться рабочих мест, если станет известно об их связи с религией; профессора также подвергались опасности быть уволенными из университета, где для многих было их основное

место работы. Помимо этого на руководство института усилилось давление со стороны обновленцев, которые мечтали захватить уже «раскрученное» учебное заведение. В этих условиях Совет института почел за благо принять решение о закрытии самостоятельно.

Ректор Богословского института протоиерей Николай Чуков, впоследствии митрополит Ленинградский, не оставил попыток создать легальную духовную школу и в 1925 г. организовал Высшие богословские курсы в Ленинграде, в которые на основании несколько измененного «Положения о Богословском Институте в Петрограде» и с той же программой были преобразованы Богословские курсы Центрального района Ленинграда. На курсах продолжили свое обучение и получили степени кандидата богословия некоторые бывшие студенты Богословского института и выпускники Богословско-пастырского училища И.П. Щербова. К сожалению, курсы стали центром «иосифлянского движения», выступавшего против всякого компромисса с советской властью. В результате через три года, в 1928 г., вместе с курсами все учебные заведения, имеющие отношение к Московской патриархии, были окончательно закрыты. Протоиерей Николай Чуков и здесь не сдался: составил новый проект и даже получил на его реализацию разрешение властей, но вскоре был арестован и осуществить задуманное не сумел.

Всего через десять лет, к 1939 г., в стране действовало чуть больше 100 храмов, в которых служило около сотни священников. На свободе оставалось только два митрополита и два архиепископа. Все монастыри были закрыты, а 25 областей СССР гордо называли себя «бесцерковными», что означало, что на их территории нет ни одного храма. Внезапные перемены в отношении РПЦ в 1943 г. застали ее в плачевном состоянии. Тем не менее, получив от властей заверения, что духовные школы снова можно открывать, патриарх сразу вспомнил об уже митрополите Григории (в миру Николай Чуков). Все по тому же проекту, что и в 20-е годы, в 1944 г. в Москве открылся Богословский институт и Богословско-пастырские курсы, которые через два года были преобразованы в Московскую духовную академию (МДА) и семинарию соответственно. Так начала воссоздаваться культурная среда, необходимая для возрождения церковно-исторической науки.

В условиях, когда не было книг, когда невозможно было издать учебники, церковную историю и прочие богословские науки преподавать было очень сложно. Библиотеки закрытых еще до войны духовных школ были расхищены, реквизированы, а порой и уничтожены. Религиозные книги сжигали, сдавали в утиль и просто выбрасывали, как это случилось с библиотекой Воронежской духовной семинарии, 17 тысяч томов которой в буквальном смысле выкинули на улицу, чтобы освободить помещение для курсантов [8, с. 244].

Судьбы библиотек Московской и Петроградской духовных академий оказались очень схожи. Обе остались без финансирования, а значит, без отопления, с протекающей крышей и без большинства работников. Сотрудники Петроградской библиотеки сами обратились в Центральный комитет государственных библиотек (ЦКГБ) с просьбой о принятии библиотеки в ведение Комитета, одновременно представив смету на ее содержание за счет государства и проект устава библиотеки. Однако Наркомпросом было принято решение о передаче библиотеки Духовной академии в состав Публичной библиотеки. Это спасло академические книжные богатства от гибели, хотя как отдельное собрание книжный фонд Духовной академии сохранен не был. «В Публичной библиотеке изначально существовало свое, весьма обширное и богатое, Богословское отделение (после революции преобразованное в Отделение культов). Фонды библиотеки Духовной академии, содержавшие не только богословскую, но и историческую, филологическую и философскую литературу, с присоединением к Публичной библиотеке в значительной своей части оказались для нее дублетными. А это предопределило и частичную передачу книг другим библиотекам, хотя массив академических фондов долгие годы сохранялся как отдельное собрание – I филиального отделения Публичной библиотеки. Более того, она пополнялась за счет отбора книг в Государственном Книжном фонде и в других хранилищах. <...> Неблагоприятно сказалась на сохранении цельности собрания библиотеки Академии и предпринятая по ходатайству университета и Союза воинствующих безбожников реорганизация I отделения в антирелигиозное, поскольку фонд отделения мало отвечал новым задачам отделения» [11, с. 115].

Библиотека Московской духовной академии в 1919 г. стала филиалом Румянцевского музея, а потом – филиалом Библиотеки им. В.И. Ленина, куда тотчас же были увезены все рукописи, инкунабулы и вообще все редкие книги. В новый же филиал «были свезены бывшая библиотека самой Лавры и библиотека Вифанской духовной семинарии. Каждая насчитывала несколько десятков тысяч томов, а ядром последней служила уникальная в своем роде библиотека митрополита Платона (Левшина), основателя Вифании, состоявшая из русских и иностранных книг XVIII и начала XIX века» [4, с. 226].

Содержание бывшей академической библиотеке было назначено мизерное, а сотрудников осталось всего двое: заведующий библиотекой К.М. Попов и его жена Ольга Николаевна. «Начиная с 1920 года здание библиотеки уже не отапливалось, зимой в нем стоял страшный холод. Пробыдешь там час или полтора в валенках, в шубе, в перчатках, почувствуешь, что совсем застыл, и выбегаешь греться на улицу... После вьюг и метелей Поповым приходилось откапывать проход в библиотеку; иногда им помогали в этом подоспевшие посетители» [4, с. 222].

Но даже не это было самым губительным для церковной науки. С.А. Волков, которому выпало заведовать 2-й городской общедоступной библиотекой, преобразованной из студенческой библиотеки МДА, рассказывал: «Первое, что от меня потребовали городские власти, – отделить все книги религиозного содержания и связанные с историей Церкви, сложить их в отдельные шкафы, запечатать и никому не выдавать. Читатели могли брать книги исключительно светского содержания – никакого знакомства с богословием, философией и тому подобными предметами теперь не допускалось. Академическая библиотека функционировала на таких же условиях, но, в отличие от моей, была открыта не ежедневно, а лишь три раза в неделю на два–три часа и обслуживала исключительно научных работников и преподавателей средних школ города» [4, с. 219-220].

Неудивительно, что в подобных условиях к тому моменту, когда духовные академии снова были открыты, абитуриентов с должной подготовкой практически не было. Кроме того, власти запрещали принимать в духовные учебные заведения людей с высшим образованием и даже с законченным средним. Поэтому «в семинарии брали всех, кто мог прорваться через препоны местных органов Советской власти. Как только на местах узнавали, что юноша готовится поступать в семинарию, его вызывали в военкомат на сборы, “теряли” паспорт абитуриента, отказывались делать выписку с места жительства и т.д. Митрофорный протоиерей Григорий (Ковальский), который учился в то время в Жировицкой семинарии, вспоминал, что приходилось чуть ли не за полгода выписываться из своего дома к каким-нибудь родственникам, затем прописываться недалеко от семинарии у добрых верующих людей. Все это делалось нелегально, под страхом уголовного преследования и тюрьмы» [2, с. 83].

Тем не менее условия если не для расцвета, то хотя бы для сохранения церковной науки у РПЦ появились. Не хватало только серьезного научного журнала, поэтому сразу после войны в 1946 г. была сделана попытка восстановления «Богословского вестника» (БВ), который до революции был печатным органом МДА. В сохранившемся проекте обращения редакции к читателям предполагаемого первого номера БВ говорилось: «В связи с преобразованием Православного Богословского Института в Московскую Духовную академию естественно возник вопрос о возобновлении издания академического журнала “Богословский Вестник”. Вытекая из исторической преемственности, необходимость этого издания подтверждается высоким положением возрожденной Академии в Православном мире, в котором она является почти единственным рассадником высшего богословского образования. А славное прошлое Московской Академии, воспитавшей целый ряд выдающихся деятелей Церкви и богословской науки, при наличии огромного тяготения к русской Церкви зарубежных Православных

Церквей, возлагают на академию высокую миссию быть средоточием научно-богословской мысли всего мирового православия. В свете этой миссии задачи “Богословского Вестника” трудно мыслить вне той просветительской деятельности, которую призвана осуществлять возрожденная Московская Духовная академия. Будучи ее органом, журнал имеет в виду отражать жизнь и развитие богословской науки, осуществляя право и способность верующего разума “углубляться в тайны мира духовного и возвышаться к познанию Божественной Истины под руководством Отцов Церкви”» [7, с. 377]. Авторы обращения рассчитывали, что БВ возродит «лучшие традиции прежних лет: церковность, научную строгость и православный дух» [7, с. 377].

Поскольку послабления государства в отношении РПЦ во время и сразу после Великой отечественной войны были связаны с внешнеполитическими задачами советского государства, рассчитывавшего использовать авторитет церкви в своих целях, именно этот аргумент пустили в ход церковные политики в качестве одного из основных в пользу своего проекта. Авторы обращения выражали надежду, что БВ «привлечет к себе большое внимание церковной общности Православного Востока, Балканских и других стран». Редакция намеревалась «печатать в журнале такой материал, который поможет ему стать выразителем идей и чаяний Вселенского Православия, наиболее полезных Христовой Церкви и нашему Отечеству» [7, с. 378]. Редакция БВ планировала, помимо прочего, церковно-исторический отдел, в котором должны были размещаться «статьи, освещающие отдельные проблемы истории Христианской Церкви и русской церковной истории». Сообщалось, что «к этому же отделу должна примыкать история русской религиозной мысли, впервые введенная в план Духовной академии» [7, с. 378].

Тем не менее, в 1946 г. возобновить издание «Богословского вестника» не удалось. Следующая попытка получить разрешение на издание серьезного альманаха для публикации материалов не информационного, а научного и философского характера была предпринята в 1953 г. Патриарх Алексей I обратился в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР. И в этом письме патриарх Алексей снова обращался к «внешнеполитическому» аргументу для обоснования необходимости для церкви иметь академическое периодическое издание. Это обуславливалось запросом самой власти на усиление международного влияния РПЦ, которое позволило бы использовать церковные структуры для реализации целей государственной политики за рубежом. Патриарх писал, что «наша заграничная паства требует постоянного руководства и духовного окормления и что заботы Русской Церкви должны простираться на заграничных раскольников с целью привлечения их к церковному единству» [7, с. 380]. Патриарх указывал,

что в этом интересы церкви и государства совпадают. Но для выполнения этой миссии, по словам патриарха, РПЦ не хватало печатного органа, посредством которого церковь могла бы влиять на зарубежную паству и утверждать свой престиж в глазах вселенского православия. «Дело в том, – говорится в письме патриарха в Совет по делам РПЦ, – что до известного времени весь православный мир признавал за Русской Церковью первенство в области богословских наук, чему способствовали, главным образом, прежние духовные академии. Их богословские труды регулярно публиковались в специальных ежемесячных журналах. Печатались также все магистерские и докторские диссертации. Множество догматических, церковно-исторических и канонических исследований распространялось в разных периодических и непериодических изданиях. Словом, Русская Церковь была средоточием богословской науки и вполне естественно, что русская богословская мысль оказывала огромное влияние на все автокефальные Православные Церкви; живейший отклик находила она и в инославной среде. Сила этого влияния была столь значительна, что мы пользуемся ею до сего времени. Но жить остатками прошлых достижений нельзя, потому что церковная жизнь требует ответа богословской мысли на запросы современности, требует развития этой мысли. Нам нужно располагать сильным оружием в защите Православия, мира, Родины и в делах междуцерковных. С возрождением у нас духовных школ, в том числе и двух академий, появилась надежда на возрождение русской богословской науки. Итоги восьмилетней работы академий в известной степени оправдывают эту надежду. Но дело в том, что наши академии, в лице старых и новых богословских сил, не имеют возможности показывать свои достижения, так как у нас нет органа для их опубликования. Вполне естественно, что заграничные церковные круги расценивают это обстоятельство крайне невыгодно для нас. Отсутствие богословских изданий у Русской Церкви они объясняют либо полным оскудением богословской мысли, либо запретом советской власти.

Нечего и говорить, как подрывается такими суждениями авторитет Русской Церкви и наше церковное дело за границей. И действительно, – в то время, как Болгарская, Румынская, Сербская, Элладская и другие поместные Православные Церкви, – не говоря уже о католиках и протестантах, – издают богословские журналы, солидные богословские ежегодники и различные монографии, Русская Церковь оказывается в этом отношении совершенно безоружной. Поэтому нам трудно руководить своей заграничной паствой, чрезвычайно трудно вести борьбу с эмигрантским церковным расколом и еще труднее принимать участие в делах междуцерковных.

Исходя из этих фактов и полагая, что прочность наших церковных пози-

ций в различных странах не противоречит интересам нашего Государства и даже помогает ему, я решил обратиться в Совет по делам Русской Православной Церкви с просьбой – возбудить перед соответствующими государственными инстанциями ходатайство о предоставлении Московской Патриархии права и возможности периодически издавать сборник трудов двух наших духовных академий. Этот сборник должен состояться из статей наших богословов и церковных деятелей на догматические, церковно-исторические, канонические и другие богословские темы, тесно связанные с церковной действительностью и с запросами церковного сознания. В сборник должны входить также авторефераты лучших кандидатских, магистерских и докторских диссертаций или же отрывки из них.

Учитывая наши возможности и нужды, объем сборника желательно установить в 20–25 печ. листов, тираж – 5000 экземпляров и периодичность – две книги в год. Читательская среда, для которой сборник предназначается, – наставники и воспитанники духовных школ, православное духовенство и зарубежные церковные круги, как православные, так и инославные» [7, с. 380-381].

Цели и задачи предполагаемого издания сформулированы в этом письме очень четко: указана аудитория, на которую оно ориентировано, и источники бесперебойного пополнения редакционного портфеля. Однако для государства на тот момент церковь перестала быть ценным игроком во внешнеполитических делах, власть успела уже разочароваться в проекте создания из РПЦ центра вселенского православия, но продолжала использовать ее в экуменическом движении и как рупор для пропаганды ведущей роли СССР в деле разоружения и мирной политики. Инициатива патриарха осталась без ответа, и только спустя четыре года было получено разрешение на подобное издание.

В январе состоялось учредительное заседание редколлегии журнала, которому было дано рабочее название «Научный Богословский сборник». Первоначально было запланировано, что сборник будет издаваться дважды в год, объемом 20 печатных листов и тиражом в 3000 экземпляров. Предполагалось, что сборник будет содействовать развитию церковной науки в духовных академиях и демонстрировать достижения богословской мысли внешнему миру.

Наполнять журнал планировалось, публикуя оригинальные курсы лекций, диссертации и статьи преподавателей и студентов духовных школ, а также обзоры книжных и журнальных новинок, поступающих в Отдел внешних сношений МП и в библиотеки духовных академий. Члены редколлегии предлагали издать труды уже покойных исследователей и привлечь к работе редакции церковных ученых, проживающих в эмиграции: Л.А. Успенского, В.Н. Лосского, свящ. Василия Кривошеина.

В процессе дискуссии о направленности журнала члены редколлегии высказались о своем понимании вопроса. Так, А.В. Ведерников настаивал на том, чтобы в материалах журнала раскрывались в первую очередь положительные ценности и глубина православного мировоззрения и вероучения, что злободневность и полемичность противоречат задачам издания [7, с. 385-386]. Профессор протоиерей А. Ветелев предположил, что практические вопросы церковной жизни (например, вопрос «общей» исповеди) тоже могут освещаться на страницах журнала, но в научном аспекте, как предмет богословского и исторического исследования.

Первый том решено было подготовить к 1 июня 1957 г. Но снова вмешалась политика¹, и первый номер журнала вышел в свет летом 1960 г. (на титуле был указан 1959 г.). Из материалов, намеченных к публикации на первом заседании редколлегии, в номер вошли только две статьи: профессора Н.Д. Успенского по литургики и протоиерея А. Сергеев об истории старокатолического движения. Задачи издания были обозначены в обращении редакции к читателям следующим образом: «Цель издания – раскрывать для религиозного сознания духовные сокровища Православия; знакомить богословские круги братских православных церквей и других христианских исповеданий с достижениями нашей отечественной богословской мысли; способствовать расширению богословского кругозора питомцев наших духовных школ и духовенства Русской Православной Церкви; развивать обмен опытом и знаниями между нашими богословами и вообще содействовать богословскому творчеству в Русской Церкви. На страницах сборников будут печататься работы, посвященные вопросам догматического и нравственного богословия, церковной истории, литургики, патрологии, церковного искусства и другим проблемам, связанным с жизнью Православной Церкви и запросами религиозного сознания» [6, с. 5].

В течение долгих лет «БТ» оставались единственным научным церковным изданием, поэтому разброс тем в нем был весьма велик: догматическое и нравственное богословие, патрология, церковная история, литургика, церковное искусство и прочие церковные дисциплины. Больше всего – порядка 70 статей – было опубликовано в журнале по истории Русской церкви и общей церковной истории. «Большой удельный вес работ по истории Русской Церкви был обусловлен подготовкой к празднованию юбилея 1000-летия Крещения Руси. Особенно много работ по этой теме было опубликовано в сб. № 28, большая часть

---

¹ Назначенный ответственным секретарем редколлегии инспектор Ленинградской духовной академии профессор и протоиерей А. Осипов в декабре 1959 г. публично отрекся от веры и церкви, после чего был лишен сана патриархом Алексием I. Это, безусловно, затормозило работу по подготовке к изданию «Богословских трудов».

которого состояла из материалов посвященной юбилею Международной церковно-исторической конференции (Киев, 21–28 июля 1986 года)» [7, с. 396].

Разумеется, все материалы, публикуемые в «Богословских трудах», проходили жесткую цензуру. Владимир Степанов (Русак), работавший в Издательском отделе МП в 70-е годы, вспоминал: «Совет¹ не только дает те или иные “редакторские” рекомендации. Советом постепенно определено и все построение журнала, в котором собственно церковно-историческим событиям отведена, в лучшем случае, треть журнала. Остальное – миротворчество, экуменизм. Церковно-полезная площадь покупается за счет государственно-полезной» [10, с. 22]. В этом контексте само наименование отдела «издательским» казалось ему насмешкой. «Фактически – это редакционная группа. Какой же он издательский, если у него нет типографии, и он ничего не издает, а только проводит редакционную обработку материалов» [10, с. 15]. Раскрывает Степанов (Русак) и некоторые секреты, позволяющие пройти цензуру без потерь: поменьше употреблять слово «духовенство», ни в коем случае не писать «архиерей благословлял народ», не прилагать к публикации фото, где есть дети, о храмах в новых городах вроде Комсомольска-на-Амуре не упоминать. Впрочем, и в таких, весьма жестких, рамках «Богословские труды» выполняли свою функцию поддержания научной традиции, что позволило уже в новых политических условиях расцвести церковно-исторической науке по-настоящему.

Заключение. После революции 1917 года научная традиция высшей духовной школы была насильственно прервана. По инерции исследования и подготовка молодых ученых продолжались на протяжении 20-х годов, но с уходом из жизни или эмиграции многих авторитетных исследователей и преподавателей богословских и церковно-исторических дисциплин, а также вследствие полного уничтожения духовного образования, развитие церковной науки полностью прекратилось. Библиотечные фонды духовных школ были реквизированы или же разорены, фундаментальные труды дореволюционных ученых стали недоступны. Но даже после такого масштабного разгрома в церкви сохранились кадры, способные вернуть научную традицию к жизни. После открытия в 1944 г. с дозволения властей Богословского института, преобразованного затем в духовную академию, и до конца 80-х годов XX в. новая ученая корпорация собирала по крупицам, хранила и приумножала наследие богословской научной традиции, что способствовало новому взлету церковной науки и активному росту числа церковно-исторических исследований в 90-е и начале 2000-х.

---

¹ Имеется в виду Совет по делам РПЦ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова-Чукова Л.К. Богословский институт в Петрограде (1920–1923 гг.) как первый этап на пути восстановления духовных школ в виде академий и семинарий // Вестник церковной истории. – М., 2020. – № ¾ (59/60).
2. Алешин А.А. Проблемы развития духовного образования на страницах «Журнала Московской Патриархии» в период Великой отечественной войны и первые послевоенные годы. 1943–1948 годы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 8(337). История. – Вып. 59.
3. Богданова Т.А., Клементьев А.К. Письма профессоров Московской духовной академии профессору Петроградской духовной академии Николаю Никаноровичу Глубоковскому (1902–1921 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2021. – № 35.
4. Волков С.А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. – М., Издательство гуманитарной литературы, 2000.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957.
6. От издательства // Богословские труды. Сб. 1. – М., 1959.
7. Полищук Е.С. Сборник «Богословские труды» (предыстория, история и обзор содержания вышедших номеров) // Богословские труды. Сб. 38. – М., 2003. Издательский Совет Русской Православной Церкви.
8. Попова О.Д. Советская власть и духовно-учебные заведения Русской православной церкви // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008.
9. ««Род ученых» не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг.) / вступ. ст., публ. и прим. Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2015. – № 3(11).
10. Степанов (Русак) Владимир. Свидетельство обвинения. – Т. 2. – М., 1993.
11. Шилов Л.А. Очерки по истории Российской национальной библиотеки / сост.: Л.Б. Вольфцун, Г.В. Михеева; науч. ред. Г.В. Михеева. – СПб., 2008.
12. Успенский Н.Д., проф. Из личных воспоминаний об А.А. Дмитриевском // Богословские труды. – М., 1968. – Вып. 4.

REFERENCES

1. Aleksandrova-Chukova L.K. The Theological Institute in Petrograd (1920-1923) as the first stage on the path of restoring theological schools in the form of academies and seminaries. Bulletin of Church History. Moscow, 3/4(59/60)/2020.

2. Aleshin A.A. Problems of the development of spiritual education on the pages of the "Journal of the Moscow Patriarchy" during the Great Patriotic War and the first post-war years. 1943–1948. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014. No. 8 (337). Story. Issue. 59.
3. Bogdanova T.A., Klementiev A.K. Letters from professors of the Moscow Theological Academy to Professor of the Petrograd Theological Academy Nikolai Nikanorovich Glubokovsky (1902–1921). Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary. 2021. No. 35.
4. Volkov S.A. Near the monastery walls. Memoirs. Diaries. Letters. M., "Publishing house of humanitarian literature", 2000.
5. Decrees of the Soviet power. T. 1. 25 Oct. 1917 - March 16, 1918 M., 1957.
6. From the publishing house. Theological works. Sat. 1. M., 1959.
7. Polishchuk E.S. Collection "Theological Works" (prehistory, history and review of the content of published issues). Theological Works. Sat. 38. M., 2003. Publishing Council of the Russian Orthodox Church.
8. Popova O.D. Soviet power and spiritual and educational institutions of the Russian Orthodox Church. Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2008.
9. The kind of scientists" will not perish in the world" (correspondence from two capitals of Professor N.N. Glubokovsky and Bishop Vasily (Bogdashevsky) 1917–1921). entry. Art., publ. and approx. T.A. Bogdanova and A.K. Klementyev. Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary. 2015 No. 3 (11).
10. Stepanov (Rusak), Vladimir. Prosecution evidence. Volume 2. M., 1993.
11. Shilov L.A. Essays on the history of the Russian National Library. comp.: L.B. Wolfzun, G.V. Mikheev; scientific ed. G.V. Mikheev. SPb., 2008.
12. Uspensky N.D., prof. From personal memories of A.A. Dmitrievsky. Theological works. Issue. 4, M., 1968.

Информация об авторе: Лобанова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, ученый секретарь Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН.

Москва. ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292.

E-meil: lobanova_irina@ro.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Lobanova Irina Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Scientific Secretary of the Center for Historical Science of Russia at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
Moscow. st. Dmitry Ulyanov, 19, 117292.
E-meil: lobanova_irina@ro.ru

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 12.05.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests